

Реальность пришлось отменить. Труп альтер-маман, всё же, вызывал лёгкие неудобства. К счастью, это не было проблемой ни для меня, ни для альтер-меня.

Больше возникло трудностей с тем, чтобы объяснить ситуацию удивлённому Чарльзу, когда он увидел нашу весьма специфическую компанию, уже ожидающую его.

И объяснять пришлось, дополняя всё образами, ибо застал нас мой дружбан не в самом обычном виде: Эмма была у меня на коленях, попивая молочный шейк. Я же, осторожно поглаживая женское тело одной рукой, другой уплетал ванильное мороженое. Безумно сладкое, дарящее целый ворох различных приятных ощущений, которые из-за находившейся у меня на коленях девушки становились только острее.

Мы были словно брат и сестра, погрязшие в странных, мерзких отношениях. И мы бы зашли намного дальше, если бы не дорогое Немое. Всё было хорошо, пока мы не переходили невидимую грань.

Но если пытались зайти чуть-чуть дальше — метафизическая сущность тут же давала о себе знать, и с каждым разом её «проявление» было всё более и более очевидным.

Проверять, насколько далеко мы можем зайти, не стали, впрочем, не отказывая себе в более невинном удовольствии. Конечно, я знал, насколько лицемерно это было с моей стороны: не прошло и дня, как я блевался от другого себя, и тут резко полностью изменил своё поведение, поддавшись искушению.

Всё было предельно просто: я банально не видел перед собой мужчину, ставшего женщиной. Лишь женщину, к которой меня сильно тянуло, и это не противоречило моим внутренним установкам.

Понимал ли я, что и сама малышка Эмма, отказавшись от физического тела, могла спокойно принять мужскую форму? Конечно, понимал.

Чего уж, этот осколок изначально себя таковым и мог воспринимать, и лишь в этом воплощении стал ассоциировать себя с женщиной. Но моё сознание игнорировало эти факты. Глупо? Бессмысленно? Мерзко?

Мне было глубоко насрать на это.

— Как странно, — пробормотала Эмма, разглядывая меня. — Я не чувствую, чтобы с тобой было что-то не так.

Со мной было много что «не так». Не так, относительно нормальности ненормального осколка безумной твари.

— У нас будет ещё много времени, чтобы со всем разобраться, — прошипел Чарльз. — Мы должны поторопиться.

— Время относительно, — захихикала альтер-я, повернув голову на Чарльза. — Когда дело доходит до подобных сущностей, мы можем одновременно и спешить, и опаздывать. То, что я не чувствую влияния, не значит, что я не могу помочь. Не сопротивляйся, красавчик.

Эмма вновь перевела на меня взгляд, неожиданно решив погладить мою голову. Нежно, словно любящая женщина, вдруг решившая необычным образом проявить ласку. Правда, приятными эти поглаживания были только до момента, пока она резко не выдернула несколько моих волос, заставив болезненно сморщиться.

Я, почему-то, не удивлён.

Не объясняя своих действий, девушка жестом фокусника достала из воздуха свою испорченную куклу.

— Я столько сил в неё вложила...

Альтер-я нехотя намотала мои волосы на куклу. Пространство покрылось волнами, я ощутил на себе взгляд куклы. Что-то странное. Она словно тянулась ко мне, создавая невидимую связь. Связь жуткую, неестественную. Эта кукла словно пыталась стать мной, словно была мной.

Я будто смотрел не на куклу, а на самого себя. Не кривое зеркало, но прямое отражение. На каких бы силах не сфокусировалась другая «я» — она определённо вдохновлялась концепцией нашего существования, зайдя намного дальше и извратив то, что и так уже давно было извращено.

Вот же сука...

Вместе же с этим я почувствовал удивительную лёгкость в голове. С меня будто сняли невидимый груз. Кукла же в руках девушки странно... сморщилась. Я даже не мог описать нормально, что конкретно с ней произошло. Но то, что ничего хорошо — это точно.

— Стало легче? — ласково поинтересовалась альтер «я». — Теперь она твоя.

Эмма нехотя протянула мне куклу. Я молча принял её, чувствуя арктический холод этой хреновины.

Затруднялся сказать, действительно ли мне стало «легче», и не было ли это очередным самообманом. Что-то определённо изменилось, но воздействие твари было слишком тонким, слишком неочевидным, слишком незаметным.

— Профессор прав, — помотал головой я, словно просыпаясь после дрёмы.

Неприятно. Я не мог понять, что изменилось, но что-то определённо изменилось.

Значит, Рид жив? Или не жив? Я считал память стилиги, усомнившись в том, что он видел, но то определённо был Гаррик. Вернее, слепок Гаррика. Или осколок. Или частица. Или проекция. Чёрт его знает. Раньше он определённо был обычным человеком. Чем же он таким воспользовался и что сделал, что смог, будучи простым человеком, избежать лап сверхсущности? Нам нужно как можно быстрее связаться с ним.

Эмма удивлённо хмыкнула.

Сняв с себя другую «я», я поднялся. Фотоаппарат уже привычно лёг мне в руки. Эмма, к чему-то прислушавшись, подошла к окну.

— Ничего не забыл, Феликс?

Ехидный вопрос Эммы заставил меня поморщиться. Я выглянул в окно, увидев молчаливую фигуру в маске. К нам подошёл Чарльз, по достоинству оценив вежливую штуковину в нашем дворе.

— На какое дерьмо ты уже наткнулся, Фишер? — потёр глаза стилига.

— Ползучее, — ответил я, судорожно принявшись думать, что делать. — В вашем контракте не было ограничений на то, где ты можешь находиться, не так ли?

— Мы не определяем трактовки, — оскалилась Эммы. — Я уже проиграла, лишь Ползучий человек решает, что истинно, а что — нет. Решив помочь мне, ты ввязался в опасную игру, красавчик.

— Как будто у нас есть выбор, — поморщился я. — Будем решать проблемы по мере их поступления. Ты отправишься с нами.

Чарльз весь аж сгорбился от осознания того, что с ним отправятся две ублюдочные светловолосые голубоглазые твари по цене одной.

— Само собой разумеется, — фыркнула альтер «я», с весельем отслеживая реакции уже готового к любому дерьму стилиги. — Звучит забавно.

«Забавно»?

Да, она такая же сломленная, как и Клейтон. Я уже начал сомневаться в том, что сам был таковым: всё познаётся в сравнении. Я могу быть давно сломленным относительно простого человека, но если сравнивать среди себе подобных...

Кажется, что я, что Мистер Стивенсон ещё вполне себе жизнерадостные живчики. Что называется, верь в себя и никогда не сдавайся.

Святая Мария...

Я уже было думал сделать снимок и перенести нас дальше, но Эмма остановила меня, схватив за плечо.

— Не торопись так, — нехорошо улыбнулась девушка. — Я ещё не закончила здесь все свои дела. Мне нужен час.

Я нахмурился, переглянувшись с Чарльзом. Тому явно было тяжело сдерживать себя, но он справлялся. Задумавшись над тем, на что может понадобиться час альтер «мне», перевёл взгляд на дверь, в которую уже несколько раз заходила с печальным для себя концом альтер-маман.

Вместе с тем в голове промелькнули образы трёх карикатурных сук, само существование которых было посвящено превращению жизни малышки Эммы в ужас и безнадёгу.

— Полчаса. Не больше.

Девушка благодарно улыбнулась, прилипнув ко мне всем телом. Со всей возможной нежностью, на которую была способна, Эмма приподнялась на цыпочки и аккуратно поцеловала меня, после чего, истерично захихикав, исчезла, совершив нечто вроде фазового сдвига. Таким, впрочем, меня было уже не удивить.

Не только эта сучка видела многомерность.

Я облизал губы, всё ещё чувствуя на них вкус ванильного мороженого.

Сладко.

— Какого хрена, Фишер?

Мой дружбан, очевидно, не выдержал. Я вскинул брови.

— А ты последовательный в своих вопросах, дружище. Мы же тебе уже всё объяснили.

Вновь выглянул в окно, совершенно не удивившись тому, что сущность в чёрной маске всё ещё смотрела на нас. Меня, если честно, немного напрягал этот взгляд.

Щелчок.

Со вспышкой камеры наши тела погрузились в океан, переместив в парк прямо на свободную скамейку. Уже вечерело, мимо пробежали весёлые детишки с родителями, кто-то уплетал сладкую вату. До нас отдалённо доходил чей-то смех.

Ещё перед щелчком камеры я смешал наши краски с красками окружающей реальности, из-за чего на нас никто не обращал внимание. Подумаешь, из ниоткуда появились мрачный подозрительно «бесцветный» мужик и ублюдочного вида пацан-переросток. Каждый день такое происходит. Главное было вовремя вернуть всё к норме.

Чарльз удивлённо осмотрелся.

— Значит, мы ждём?

— Ждём.

— Я бы на твоём месте не стал доверять «себе», демон.

Я проводил взглядом счастливого маленького ребёнка, в руках которого было ванильное мороженое.

Опустил взгляд на украденное мороженное, под детский вопль где-то на фоне на пробу облизнув его.

Вкус постепенно теряет свою сладость...

Чарльз с каменным лицом уставился сначала на плачущего ребёнка, потерявшего своё мороженное, а затем на меня.

— А мне ты доверяешь, что ли?

— Я знаю твои мотивы и слабости, — парировал стилига. — Та же тварь, из-за которой ты теряешь голову, слишком непредсказуемая.

Теряю хватку, получается.

— Не совсем, — не согласился я, уплетая ванильное мороженое. — Она такая же выбывшая

неудачница, как и я. Все мы. Если не помогу ей, то...

Мой взгляд устремился к одинокому дереву, рядом с которым был пикник у какой-то семьи. Там, за деревом, среди тьмы, стояла безликая фигура в маске и просто смотрела.

— Тебе мало проблем, Фишер? — поморщился стилияга, понимая, насколько мы близки к обрыву.

— Одной больше, одной меньше... — философски пробормотал я, уплетая сладость.

Потом её обязательно нужно будет запить молочным шейком. Возможно, в компании с малышкой Сэнди.

Полчаса прошли быстро. Парк, несмотря на ползучую хренотень, не сдвинувшуюся с места ни на дюйм, казался до безумия мирным. Никто не осознавал, в каком беспросветном ужасе жил. Не понимал, что буквально каждый следующий день мог стать началом конца, до смешного быстрого или же наоборот — медленного, наполненного отчаянием, страхом, слабой надеждой, которая с каждым мигом будет меркнуть всё сильнее и сильнее, пока метафизическая концептуальная судьба не придёт за новой жертвой.

Я видел эту картину уже так часто. Так часто, что...

Застыл, поймав себя на странной мысли. Эта мысль пришла ко мне совершенно неожиданно, абсолютно спонтанно, словно вспышка «вдохновения». Словно давно затерявшийся кусочек пазла, который вдруг неожиданно нашёлся.

Я ведь всё понял ещё в тот момент, когда мир обратился в краски, не так ли? Когда торчок упомянул чувство вины, когда написал картину, смешав реальность и вымысел.

1. Вспомнить.

2. Принять.

3. Простить.

Я уставился на безликую фигуру в маске, понимая, каким же наивным дураком был. Показывая условия контракта, тварь имела в виду не только Эмму. Или, вернее сказать, не столько Эмму.

Сколько «нас».

— Краски... Картина... Видел много раз? — Я огляделся. — Судьба...

Я продолжал сохранять удивительное спокойствие, впрочем, быстро сообразив, почему: достав жестом фокусника из ниоткуда переданную куклу, улыбнулся. Улыбнулся спокойно и где-то даже печально.

Лицо куколки исказилось, всё её тело выгнуло, словно в безумной агонии. По одному её виду было понятно, насколько хреново «ей» было.

«Мистер Фишер, вам определённо нужна помощь специалиста, — подал голос Ред. — Если хотите, мы можем с вами всё обсудить...»

«Редди-Пинкл прав, Мистер Фишер! — незамедлительно поддакнул Пит. — Единственное, на вашем месте я бы, всё-таки, нашёл человека с нужным образованием... Не подумайте, я не хочу сказать, что мистер Ре...»

«...!!!»

Я ненадолго прикрыл глаза, мысленно заглушая голоса тварей, сделав глубокий вдох, а затем — выдох.

Кукла в руках начала чернеть.

— Что опять случилось? — буднично поинтересовался Чарльз.

Скажи спасибо, дружище, что мне не сносит крышу. Хотя, здесь следует поблагодарить куклу малышки Эммы.

Возможно, она и рассчитывала на подобную спонтанную «вспышку» вдохновения?..

— Пытаюсь «Принять», — туманно ответил я. — Как ты думаешь, как можно было бы назвать картину, на которой умирают люди? Наверное, как-нибудь просто и банально... Или нет?

— Что за странный вопрос? — нахмурился мужчина.

— Да, ты прав...

Интересно, видел ли эту... «картину» Мистер Стивенсон? Знал ли он, как она называется? Как эта картина выглядела, сколько «вдохновившаяся» тварь вложила в это и не после создания этого ли ужасающего творения урод окончательно растворился в бесчисленных противоречивых личностях, разбившись на бесчисленные осколки?

Эмма появилась неожиданно. Я просто в какой-то момент осознал, что девушка вновь сидела у меня на коленях. Чарльз едва не подпрыгнул, громко выругавшись.

— Вижу, куколки ненадолго хватит, — выхватила у меня из рук куклу девушка. — Другую я тебе так быстро не смогу сделать, красавчик. Мне тоже нужно «вдохновение».

Я улавливал от Эммы остаточный информационный след, целое буйство кровавых красок, крики агонии и боли. Мимоходом отметил, что стоявший за деревом Ползучий человек исчез.

Помотал головой.

— Ты знаешь, как можно позвать Мистера Стивенсона?

— Старый ублюдок сам решает, когда появиться и появиться ли вообще, — пожала плечами альтер «я». — Если ты не видишь его достаточно долго, то это значит, что он либо посчитал тебя очередным провалом, либо ты ему понадобишься позже.

Я кивнул.

— Ты всё сделала?

— В этом Аду меня больше не существует, — весело захихикала девушка. — До следующей преисподней я полностью в твоём распоряжении, Феликс.

Щелк.

В тот же момент, когда Эмма произнесла это, я переместил нас в следующую вариацию, ещё больше приближая к метафизическому воплощению Второй Луны, и на этот раз это действительно стало ощутимо: первое, что я увидел, была большая, прекрасная луна. Настолько огромная и всеобъемлющая, что мне казалось, будто она в любой момент столкнётся с планетой и поглотит её в гигантском, прекрасном взрыве.

Чарующая и вместе с этим такая стеснительная, робкая и нежная.

К несчастью, далеко не Вторая Луна стала для нас главной проблемой.

Стоило нам переместиться, как краски рядом с нами поплыли. Мы были во всё том же парке, но ночном. Искажённом, неправильном, грубо нарисованном. Впереди, среди красок, на фоне гигантской прекрасной луны, застыла фигура.

Взрослый мужчина с голубыми глазами и седыми, давно потерявшими природный цвет

волосами. В официальном костюме, я совершенно точно угадывал стиль, который нравился и мне, и Мистеру Стивенсону: строгий, без излишеств, такой, какой можно встретить у тысяч воротничков.

Мне сразу не понравился его взгляд.

Это был взгляд человека, который увидел еду. Взгляд обезумевшего от голода монстра, который увидел гигантский кусок жареного мяса. Или ребёнка, который увидел свою любимую конфету. Безумно сладкую, большую. Таковую, какую родители если и покупают, то только на какие-то важные праздники.

Животное.

Что он тут забыл? Как он нашёл нас? Почему именно сейчас?! Сука, нас и так зажимают со всех сторон Немое, Ползучий человек и грёбаная Вторая Луна! Можно по одному, пожалуйста?!

«В древе реальностей существует много древних тварей, которые с радостью откроют на тебя охоту...»

Перед глазами появился образ широко улыбающегося торчка.

Он ведь имел в виду в первую очередь другие осколки нас же, не так ли?.. А можно это было сказать с самого начала, сука?!

Эмма, всё ещё сидя у меня на коленях, окинув сначала взглядом гигантскую луну, а затем — явно не самый дружелюбно к нам настроенный осколок, присвистнула.

— Мы в дерьме.

Чарльз застонал от самой ужасной зубной боли, что он испытывал в своей жизни.

— Мы из него и не вылезали, — печально заметил я.

В следующий момент, вместе с уже привычными ругательствами Чарльза, всё завертелось в круговорот бесчисленных красок.

Сэнди никогда не могла подумать, что поездка её друга столь сильно на ней скажется. Она знала, что ценила своего друга очень и очень сильно, но лишь на третий день его поездки осознала, насколько. Девочка не считала себя мнительным человеком, однако ситуация с Феликсом была, по меньшей мере, странной: резкая поездка, про которую он её не предупреждал, странное поведение отца, не менее странные сны.

Обычно её любимые ведущие успокаивали её. Они всегда были такими жизнерадостными и живыми, всегда говорили ей то, что она хотела и не хотела услышать, будто зачаровывая её. Но её любимая передача почему-то перестала идти. На её любимом канале крутилась лишь одна реклама какого-то детского питания.

Это не способствовало психологической стабильности девочки.

Она хотела поговорить об этом с родителями, но те словно не замечали её амслена. Её вечно улыбающиеся родители, поддерживающие её в любой ситуации, будто превратились в две странные куклы. Говорящие, живые, но такие... неживые.

Как же их звали?.. Как они выглядели? Вроде бы, у них были светлые волосы? Или только у её матери они были светлые, а у отца — тёмные?

Сэнди пыталась отвлечь себя любимым рисованием. Она специально спрятала все картины, к которым прикасалась рука Феликса, но это не помогло: она начала пытаться пародировать его стиль. Пыталась всё делать более мрачным, более холодным и отстранённым. У неё не получалось. Как бы она не старалась, всё её рисунки становились яркими и солнечными. Лишь Феликс мог дополнить их.

Больше всего ей не давали покоя сны. В этих снах к её лучшему другу лезли какие-то женщины. Сначала одна бесцветная женщина, почему-то своим поведением раздражающая Сэнди. Затем какой-то безумный мужчина, похожий на Феликса, принимающий облик женщины, смутив таким образом не только её саму, но и Феликса. После — та, кто зашла дальше всех. Безумно похожая внешне одновременно на неё саму и Феликса, словно их родная сестра с таким похожим и вместе с тем таким не похожим поведением, она практически позволила себе отобрать её друга.

Этот сон очень расстроил её.

Сэнди казалось, будто её кидало и в жар, и в холод. С каждым днём её общее психологическое здоровье подрывалось всё сильнее и сильнее, и ей всё больше хотелось увидеть своего друга. Хотелось, чтобы он вновь улучшил её рисунки. Чтобы поговорил с ней на языке жестов и успокоил.

Но он не появлялся, а дни продолжали сменяться один за другим. Не появлялся ни он, ни её

любимые ведущие, её родители словно исчезли. Всё вокруг неё словно постепенно исчезало, обращалось в фальшивку.

Единственное, что оставалось девочке, чей внутренний и внешний мир трещал по швам, смотреть ночами на луну.

Такую яркую, такую прекрасную, такую робкую и нежную. Захватывающую всё её внимание. Луну, от вида которой девочка хотела закричать. Закричать громко, истерично, безумно, вкладывая все те эмоции, что копились в ней.

На десятый день Сэнди не выдержала и решила вновь навестить в гости к Феликсу. Его родители встретили её с большой радостью. Они совершенно не реагировали на то, что Феликса не было уже десять дней. Не собирались ему звонить, от него не приходило писем или чего-либо ещё. Его словно никогда и не существовало.

Они сами точно не знали, сколько он будет в гостях, но, очевидно, совершенно не придавали этому значения.

Это постепенно приводило её в отчаяние.

«Вернись, вернись, вернись, вернись...»

Образ стеснительной Луны, скрывающейся за настоящей луной, становился всё ярче.

Нет. Была только одна луна. Прекрасная, по-настоящему волшебная.

Сэнди уселась на кровать своего друга, окружённая бесчисленными безобразными рисунками странных созданий, сжав в руках аквариум с рыбкой Феликса. Рисунки вокруг неё будто бы постепенно оживали, выбирались из своих картин, погружая комнату в непроглядную тьму; эти рисунки словно поддерживали её, успокаивали, и Сэнди чувствовала, насколько они все были искренними.

За всем со стороны наблюдали застывшие в небе фигуры.

— Мы бессильны, — натянул на лицо улыбку Джон.

— Какая романтическая ситуация, — прошептала безжизненным голосом Бритни. — Мы почти потеряли работу, Джон...

Ведущие повернули головы к Луне. Пусть на улице и был день, они всё равно прекрасно её видели.

Ставшую заметно больше, по-настоящему прекрасную. Ничто не могло скрыть её красоту.

— Будем надеяться, что наш самый дорогой зритель всё учёл, — улыбнулся ещё шире Джон.

— Либо мы тоже станем выбывшими! Это так романтично, Джон!

— И не говори, Брит! С места событий!

<http://tl.rulate.ru/book/98238/4487560>